

83.3(2Р_{OC}=Р_{YC})1

Т 53

ТОЛСТОВСКИЙ МУЗЕЙ.

ТОЛСТОЙ
и
о ТОЛСТОМ.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

Редакция Н. Н. ГУСЕВА.

МОСКВА.

1924

МУК «Тульская»

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. ТОЛСТОЙ.

Неизданная глава из „Крейцеровой Сонаты“	стр. 3
Правдивость. Выпущенные по цензурным соображениям места из 26-й гл. „Пути жизни“	13
Письма о любви браке и семейной жизни	16
Черновое письмо к неизвестному по поводу делу Мельницкого, с вводной заметкой Н. Гусева	25
Письмо к Я. Н. Полонскому, с вводной заметкой Н. Гусева . .	28
Письмо Н. П. Лопатину, с вводной заметкой Н. Гусева	33
Письмо о Мережковском, с письмом Л. Н. Толстому студента А. Бархударова	36
Письмо к неизвестному офицеру, с вступительной заметкой А. К. Чертковой	38

II. О ТОЛСТОМ.

Т. Л. Сухотина-Толстая. Из воспоминаний. (Как мы с отцом решали земельный вопрос)	45
Слова Л. Н. Толстого, записанные С. А. Стакович	63
Врач А. П. Семеновский. Воспоминания о последних днях Л. Н. Толстого	68
Н. Н. Гусев. Какие были последние слова Л. Н. Толстого? . .	77
Циркуляр министра внутренних дел П. А. Столыпина о праздновании юбилея Л. Н. Толстого	81
Секретная переписка тульских архиереев Парфения и Евдокима с тульским губернатором Д. Д. Кобеко о погребении Л. Н. Толстого .	84
С. М. Брейтбург. К цензурной истории „Сказки об Иване-дураке“ Л. Н. Толстого. (По неизданным материалам)	87
Академик А. Стариов. Лев Толстой и наука. (Несказанная речь в день 90-летия со дня рождения Л. Н. Толстого)	97
Н. Н. Апостолов. Толстой и Диккенс	104

III. БИБЛИОГРАФИЯ.

Толстовские материалы в „Вестнике Европы“ 1903—1917 г.г.	
Сост. Ц. Е. Местецкая. С предисловием С. М. Брейтбурга	125
Указатели	136

Т О Л С Т О Й.

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА.

Неизданная глава.

О редакции.

Помещаемая ниже XV-я глава „Крейцеровой Сонаты“ извлечена из рукописи этой повести, хранящейся в Московском Толстовском Музее и переписанной, главным образом, рукою Софии Андреевны, Татьяны Львовны и Марии Львовны с поправками Льва Николаевича. Эта глава отмечена Л. Н-чес обозначением: „пр.“, что значило — пропустить. Так Л. Н. обозначал в своих произведениях те места, которые, по его мнению, нарушали стройность общего изложения, но которые вместе с тем ему жаль было вычеркивать. Таким образом, глава эта, по мнению самого автора, несомненно имеет художественный интерес и значение.

Ред.

XV.

Да, ревность это еще одинъ изъ всѣмъ известныхъ и отъ всѣхъ скрываемыхъ секретовъ супружества. Кромѣ общей причины ненависти другъ къ другу супруговъ, заключающейся въ соучастіи оскверненія человеческаго существа, и еще другихъ причинъ, источникъ постоянной грызни супруговъ между собой есть еще взаимная ревность. Но по взаимному соглашенію решено скрывать это отъ всѣхъ, и такъ и скрывается. Зная это, каждый про себя предполагаетъ, что это только его несчастная особенность, но не общий удѣль. Такъ было и со мной. Оно такъ и должно быть. Ревность не можетъ не быть между супругами, безнравственно живущими между собой. Если они оба не могутъ пожертвовать своимъ удовольствіемъ для блага своего ребенка, то оба справедливо заключаютъ, что они никакъ не пожертвуютъ своимъ удовольствіемъ для, не скажу блага или спокойствія (потому что

можно грѣшить такъ, что не узнаютъ), а только для добросовѣтности. Каждый хорошо знаетъ про другого, что сильныхъ нравственныхъ препятствій для измѣны нѣть ни у того, ни у другого, знаютъ это потому, что другъ съ другомъ нарушаютъ нравственные требованія, и потому они не вѣрятъ другъ другу и вѣчно ревнуютъ другъ друга. Такъ и мы, т.-е. я и жена, мучительно ревновали другъ друга.

Охъ, какое это ужасное чувство—ревность! Я не говорю о той настоящей ревности, которая имѣеть хоть какое-либо основаніе, эта ревность настоящая мучительна, но она имѣеть и обѣщаетъ исходъ, но я говорю о той безосновательной ревности, которая неизбѣжно сопутствуетъ всякому безнравственному супружеству, и которая, не имѣя причины, не имѣеть и конца. То нарывъ, а это одинъ зубъ болитъ своей костяной неподвижной болью день, ночь и опять день, ночь, и такъ безъ конца. Ревность эта ужасна, именно ужасна. Ревность эта такая: молодой мужчина говоритъ съ женой, улыбаясь смотрить на нее и, какъ мнѣ кажется, оглядываетъ ся тѣло. Какъ онъ смѣеть думать про нее, думать про возможность романа съ ней? И какъ она, видя это, можетъ переносить это? Но она не только переносить, она, видимо, очень довольна. Даже я вижу, что она для него, только для него дѣлаетъ то, что она дѣлаетъ.

И въ душѣ поднимается такая ненависть къ ней, что всякое слово, всякий жестъ ея противенъ. Она замѣчаетъ это и не знаетъ, что ей дѣлать, и начинаетъ дѣлать видъ равнодушнаго оживленія.—А! я страдаю, а ей это-то и весело. она очень довольна! И ненависть удесятеряется, но не смѣешь дать ей хода, потому что въ глубинѣ души знаешь, что настоящихъ поводовъ нѣть. И сидишь, притворяешься равнодушнымъ, напускаешь на себя особенное вниманіе и учтивость къ нему. Потомъ самъ на себя сердишься и хочешь выйти изъ комнаты и оставить ихъ однихъ, и дѣйствительно выходишь. Но стоить выйти—и тебя охватываетъ ужасъ о томъ, что тамъ безъ тебя дѣлается. Входишь опять, придумываешь предлогъ, а иногда не входишь, и останавливаешься у двери и подслушиваешь.—Какъ она можетъ такъ унижать себя и меня, ставя кого же?—меня!—въ такое под-

лое положеніе—подозрѣванья, подкарауливанья! О мерзкая, о животное гадкое! А онъ! онъ!.. Онъ—что же онъ? то, что весь мужчины, что былъ я, когда не былъ женатъ.

Ему это удовольствіе. Онъ даже улыбается, глядя на меня, какъ будто говоритъ: «что же дѣлать, теперь мой чредъ». Ужасное это чувство. Ядовитость этого чувства ужасна; стоило мнѣ излить это чувство хоть разъ на какого-нибудь человѣка, стоило разъ заподозрѣть человѣка въ замыслахъ на мою жену—и уже навѣки этотъ человѣкъ былъ для меня испорченъ, точно сѣрной кислотой облитъ. Стоило мнѣ хоть разъ приревновать человѣка—и ужъ никогда я не могъ возстановить къ нему простыхъ, человѣческихъ отношеній. Навѣки ужъ у меня съ нимъ бѣгаютъ мальчики въ глазахъ, когда мы глядимъ другъ на друга.

Жену же, которую я много и много разъ обливалъ этой сѣрной кислотой, этой ревнивой ненавистью, я уже всю изуродовалъ. Въ періодъ этой моей безосновательной ревности къ ней, я всю се развѣнчалъ, испозорилъ въ моемъ воображеніи. Я придумывалъ весь самая невозможныя плутни съ ея стороны. Я подозрѣвалъ ее въ томъ, что (совѣстно сказать!) что она, какъ эта царица «Тысячи и одной ночи», измѣняетъ мнѣ съ рабомъ, почти на моихъ глазахъ, смѣясь надо мной. Такъ что во всякой новый приливъ ревности (я все говорю о безосновательной ревности) я впадалъ въ прорытую уже прежнюю колею грязныхъ подозрѣній о ней; и все глубже и глубже прорывалъ эту колею. То же дѣлала и она.

Если я имѣлъ основанія ревновать, то она, зная мое прошедшее, имѣла ихъ во 100 разъ больше. И она еще хуже ревновала меня. И страданія, испытываемыя мною отъ ея ревности, были хотя и другія, но тоже очень и очень тяжелыя. Живемъ мы другой разъ болѣе или менѣе спокойно, я даже весель, доволенъ, вдругъ начинается разговоръ о самомъ обыкновенномъ, и вдругъ она не соглашается съ тѣмъ, съ чѣмъ всегда, бывало, соглашалась. Мало того, я вижу, она безъ всякой надобности хочетъ уязвить меня. Думаю, что она не въ духѣ, или точно ей непріятно то, о чѣмъ говоримъ. Но начинается разговоръ о другомъ, и опять то же, опять цѣпляеть, опять раздраженіе. Я удивляюсь, ищу: что?

отчего? Она молчитъ, отвѣтъ односложно или говоритъ, очевидно, намекая на что-то. Я начинаю догадываться, что причина та, что я прошелъ по саду съ ея кузиной, о которой я и думать не думалъ, или что-нибудь подобное. Я начинаю догадываться, но сказать этого нельзя. Тѣмъ, что я скажу, я подтвержду ея подозрѣнія. Я начинаю допытываться, спрашивать. Она не отвѣтъ, а догадывается, что я понимаю, и еще болѣе утверждается въ своихъ подозрѣніяхъ.

— Что съ тобой? — говорю я.

— Ничего. Я такая же, какъ всегда, — говоритъ она, а сама говорить беззмыслинныя, ничѣмъ необъяснимыя злые вещи.

Терпишь иногда, но иногда прорвется, раздражишься, и тогда прорывается и ея раздраженіе и выливается потокъ злыхъ словъ и какое-нибудь уличеніе тебя въ воображаемомъ преступленіи. И все это доведенное до самой превосходной степени съ рыданіями, слезами, бѣганіемъ изъ дома въ самыя необычныя мѣста. Начинаешь искать. Совѣстно передъ людьми, дѣтьми, но дѣлать нечего. Она въ такомъ состояніи, что ты чувствуешь — она на все готова. Бѣгаешь за ней, отыскиваешь. Проходятъ мучительныя ночи. И оба съ истерзанными нервами, наконецъ, послѣ самыхъ жестокихъ словъ и обвинений, наконецъ, затихаемъ.

Да-съ, ревность, безосновательная ревность, это — условіе нашей развращенной брачной жизни.

ПРАВДИВОСТЬ.

ВЫПУЩЕННЫЕ ПО ЦЕНЗУРНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ МЕСТА
ИЗ 26-ОЙ ГЛАВЫ «ПУТИ ЖИЗНИ».

От редакции.

В 1911 году в издании «Посредника» появился последний большой труд Льва Николаевича «Путь Жизни», в котором он, в ряде изречений, взятых из разных мыслителей, а также и своих собственных, систематически изложил все свое жизнепонимание. По цензурным условиям того времени, труд этот появился с большими пропусками, сделанными издателем для того, чтобы книга не была конфискована. Печатаемые пропуски были сделаны в одной из глав «Пути Жизни» (26-ой), носящей название «Правдивость». Поставленные перед мыслями римские цифры означают нумерацию глав, а арабские—нумерацию мыслей в главах. Мысли неподписанные принадлежат самому Л. Н. Толстому.

Гл. I, 10. Всѣ суевѣрія: и закона Бога, и государства, и науки суть только извращенія мысли, и потому избавленіе отъ нихъ возможно только приложениемъ къ нимъ требованій истины, открываемой разумомъ.

Гл. III, 4. Высшая степень насилия, это—установленіе одними людьми такого закона, который не подлежитъ обсужденію другихъ и долженъ быть принятъ на вѣру. Для чего это можетъ быть нужно людямъ?

5. Основа всякой власти — насилие, основа христианства—любовь. Государство, это—принужденіе, христианство—убѣждение.

Куинингамъ Гейкей.

Гл. III, 6. Христосъ не основывалъ никакой церкви, не устанавливалъ никакого государства, не далъ никакихъ законовъ, никакого правительства, ни виѣшняго авторитета, но онъ старался написать законъ Бога въ сердцахъ людей съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ самоуправляющимися.

Г е р б е р тъ Н ѿ т о нъ.

7. Просматривая исторію человѣчества, мы то-идѣло замѣчаемъ, что самыя явныя нелѣпости сходили для людей за несомнѣнныя истины, что цѣлые націи дѣлались жертвами дикихъ суевѣрій и унижались передъ подобными себѣ смертными, нерѣдко передъ идиотами или сластолюбцами, которыхъ ихъ воображеніе превращало въ представителей Божества; интимъ, что целые народы изнывали въ рабствѣ, страдали и умирали съ голоду ради того, чтобы люди, жившиѣ ихъ трудами, могли вести праздную и роскошную жизнь. И причиной такихъ нелѣпостей и страданій людскихъ всегда было одно: принятіе на вѣру того, что даже малымъ дѣтямъ не могло не представиться неразумнымъ.

По Генри Джорджу.

8. Нашъ вѣкъ—истинный вѣкъ критики. Все принятное на вѣру провѣряется критикой.

Религія и законодательство обыкновенно думаютъ ускользнуть отъ критики. Первая—съ помощью своей святости, второе—съ помощью своего величія.

Но въ такомъ случаѣ они возбуждаютъ противъ себя справедливое подозрѣніе и не могутъ разсчитывать на непрітворное уваженіе, потому что разумъ относится съ уваженіемъ только къ тому, что въ состояніи выдержать его свободное всенародное испытаніе.

Кантъ.

Гл. IV, 2. Странное дѣло! Во всѣ времена негодяи старались маскировать свои гнусные поступки преданностью интересамъ религіи, морали и патріотизма.

Гейне.

6. А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ учитель—Христосъ, всѣ же вы братья; и отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ; и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ наставникъ—Христосъ.

Мат. XXIII, 8-10.

Не допускай посредниковъ между своей душой и Богомъ. Ближе тебя никто не можетъ быть къ Богу.

8. Всякое преувеличеніе значенія лица или слова есть нарушеніе права души и заставляетъ мужественнаго читателя отложить новый завѣтъ и взять языческаго философа. Не потому, что Эпиктетъ или Маркъ Аврелій лучше, но потому, что они не нарушаютъ его свободы; потому что они только предлагаютъ свои мысли, тогда какъ тотъ (новый завѣтъ) вѣшнимъ образомъ предписываетъ тамъ, где нельзя предписывать. Человѣчество не должно больше терпѣть этого невыгоднаго положенія Евангелія. И дѣло нашего вѣка состоитъ въ томъ, чтобы свести всѣ эти писанія на одинъ общий уровень происхожденія и свойствъ человеческаго ума. И всякий вдохновенный писатель только выиграетъ отъ прекращенія такого идолопоклонническаго отношенія къ нему.

Эмерсонъ.

10. Есть много хорошаго въ Библіи, и въ Упанишадахъ, и въ Евангеліи, и въ Коранѣ, и у Будды, и у Конфуція, и въ писаніяхъ стоиковъ, но больше всего нужнаго, понятнаго, близкаго въ ближайшихъ намъ намъ религіозныхъ мыслителяхъ.

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО

о любви, браке и семейной жизни.

(Из материалов Московского Толстовского Музея).

1.

Б — ой,

«Что должна дѣлать жена, если у мужа есть любовница, и онъ хочетъ жить и съ тою и съ другою?»

Конечно, ни въ какомъ случаѣ не жить брачно съ такимъ мужемъ.

«Имѣеть ли жена право взять дѣтей и уйти отъ мужа?»

Оправахъ между женою и мужемъ не можетъ быть рѣчи. Но уйти даже отъ неизѣрнаго мужа, если [онъ] дорожить совмѣстной жизнью съ женой и нуждается въ ней, нехорошо и потому не слѣдуетъ. Отнять дѣтей отъ отца, если онъ дорожить ими, тоже нехорошо и потому не слѣдуетъ.

Что же дѣлать? скажете вы. Терпѣть, стараясь самой не быть виноватой передъ мужемъ. Слишкомъ часто бываетъ такъ, что одинъ изъ супруговъ пиновать увлеченіемъ, невѣрностью, а другой, вмѣсто того, чтобы, оставаясь чистымъ, помогать сбившемуся вернуться на путь, самъ начинаетъ грызти гордостью за свою чистоту, осужденіемъ, злобой, обидами. Самое сильное оружіе противъ зла есть добро. Вотъ все, что я умѣю отвѣтить на ваши вопросы. Оставайтесь сами чистыми и обращайтесь съ мужемъ, какъ бы обращалась съ нимъ любящая сестра. Это, по-моему, единственный выходъ изъ вашего тяжелаго положенія.

1893.

2.

Г — у.

Во-1-хъ, человѣкъ, к[оторый] въ состояніи бросить женщину только п[отому], ч[то] у ней нѣтъ тога, ч[то] онъ называетъ широк[имъ] выраб[отаннымъ] міросозерцаніемъ, самъ имѣть очень узкое міросозерцаніе. Во-2-хъ, почему онъ знаетъ, ч[то] жизнь съ такимъ человѣкомъ будетъ мученіе. Я знаю сотни и тысячи примѣровъ жизни—мученія съ женщинами съ выработаннымъ міросозерцаніемъ, и примѣры счастливой жизни безъ него. Но это все вѣнчнія соображенія. Въ нравственныхъ же вопросахъ такія соображенія не имѣютъ мѣста для людей съ дѣйствительно разумнымъ міросозерцаніемъ. Для такихъ людей вопросъ о томъ, можно ли для ожидаемаго мною блага себѣ или другимъ убить, точно такой же, какъ и вопросъ о томъ, можно ли для блага себѣ или другимъ—прелюбодѣйствовать, решается одинаково. Если, какъ я думаю, вы пишете о себѣ, то очень, любя васъ, совѣтуя вамъ спросить себя, свою совѣсть, постаравшись забыть все то, ч[то] вы называете міросозерцаніемъ, и вы найдете одинъ отвѣтъ при всѣхъ условіяхъ: цѣломудріе, какъ можно больше цѣломудрія.

Левъ Толстой

17 ноября 1907.

3.

9 янв. 1908

N. N.

Если смотрѣть на жизнь какъ на удовольствіе, то она сдѣлается горемъ, страданіемъ. Если же смотрѣть на нее, какъ на исполненіе воли Бога, требующей отъ насть, если ужъ не любви, то недѣланія другому, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, то жизнь станетъ радостью, благомъ. Благо ваше будетъ никакъ не отъ того, что вы сойдетесь съ тою или другою женщиной, а отъ того, что поступите хорошо или дурно. А вы знаете, что хорошо, что дурно. Еще совѣтъ

тую не говорить и не думать о своей безхарактерности. Такие разговоры и мысли суть только попытки оправдания своихъ будущихъ дурныхъ поступковъ. Безхарактерныхъ (въ смыслѣ безвольныхъ) людей не бываетъ. Всякій человѣкъ всегда во всякомъ случаѣ можетъ поступить хорошо или дурно, и всякий знаетъ, что хорошо и что дурно. Желаю вамъ поступить хорошо. И для того, чтобы не ошибиться: не думать о своемъ удовольствіи, а думать о другихъ и о своей душѣ. Еще совѣтъ, к[оторый], можетъ быть, и покажется вамъ страннымъ: совѣтую вамъ всегда, а особенно въ это рѣшительное для васъ время, не курить, не пить вина и избѣгать шумааго общества.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

4.

Глѣбовой,

Ясная Поляна,
Тульск. губ., ст. Засѣка.

Отвѣтъ на вашъ вопросъ мнѣ очень легко. Цѣломудріе есть идеаль, къ которому всегда, во всѣхъ условіяхъ, нужно стремиться. Чѣмъ ближе достигаешь исполненія его, тѣмъ—не то что достигаешь какой-нибудь заслуги передъ Богомъ, а достигаешь своего большаго блага. Человѣкъ больше можетъ служить Богу, будучи цѣломудреннымъ, чѣмъ отдаваясь своей плотской жизни.

Вотъ все, что имѣю сказать вамъ.

Левъ Толстой.

17 марта 1908.

5.

П — ъ.

Ясная Поляна.

Въ отвѣтъ на ваше письмо совѣтовалъ бы вамъ прочесть Матфея, глава V, стихъ 31 и 32,—не потому совѣтую это вамъ, что это—Евангеліе, которое считается священной кни-

гой, а потому, что тутъ выражено самое практическое, мудрое правило, относящееся къ вашему положенію. Въ пополовомъ вопросѣ, какъ было, такъ всегда и останется идеаломъ полное цѣломудріе: человѣкъ естественно стремится къ нему, такъ какъ противное цѣломудрію состояніе есть состояніе животнаго. Но такъ какъ достиженіе полного цѣломудрія трудно молодымъ людямъ, то ближайшее приближеніе къ нему есть супружество, при которомъ мужъ не покидаетъ жены и жена не покидаетъ мужа для того, чтобы они оба имѣли возможность исполнить то, что одно оправдываетъ супружество: родить и воспитать дѣтей. Когда же мужчина оставляетъ жену и беретъ другую, то, очевидно, у него идеаль не цѣломудріе, а личное счастье. И потому въ вашемъ вопросѣ совѣтовать бы вамъ употребить всю силу воли надъ собою для того, чтобы разстаться съ тѣмъ человѣкомъ, который вовлекаетъ васъ въ грѣхъ и въ тяжелое во всѣхъ отношеніяхъ положеніе. Какъ вамъ лучшимъ образомъ сдѣлать это, не огорчивъ и не оскорбивъ того человѣка, это вы знаете. Мой же совѣтъ очень опредѣленный, и я ничего другого сказать вамъ не могу.

Желаю истинно вамъ настоящаго блага. Прощайте, желаю вамъ всего хорошаго, и самое хорошее для васъ есть освобожденіе отъ того соблазна, въ которомъ вы находитесь.

Левъ Толстой.

25 марта 1908.

6.

М — й.

Любезная Н. Н.

Отвѣтъ на ваше письмо мнѣ очень трудно и даже невозможно, если думать, что я могу указать вамъ наилучшій образъ дѣйствій, поступковъ; или очень легко и просто, но боюсь, что вамъ покажется трудно и невозможно.

Всѣ трудности, всѣ горести и всѣ сомнѣнія, всѣ разрѣшаются однимъ: самоотреченіемъ, т.-е. отреченіемъ отъ

своей тѣлесной жизни и перенесеніемъ ея въ жизнь духовную, въ увеличеніе въ себѣ любви—той любви, к[отор]ая ищетъ награды въ себѣ, въ сознаніи соединенія съ Богомъ-любовью, той любви, к[отор]ая любить не любящихъ, а не-навидящихъ. Не думайте, милая N. N., что это слова. Попробуйте оживить въ себѣ сознаніе Бога-любви, к[отор]ому, какъ Богу, ничего не нужно, и въ той мѣрѣ, въ к[ото]рой вы оживите въ себѣ его, въ той мѣрѣ вы найдете успокое-ніе и благо. Мало этого. Если удастся вамъ сдѣлать это, начать жить для души—и не успѣете оглянуться, какъ и ви-шняя жизнь ваша измѣнится и перестанетъ быть тяжелою.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

6 ноября 1908.

7.

Ч — му.

Очень сожалѣю о томъ, что не могъ отвѣтить вамъ раньше. Отвѣтить же вамъ мнѣ хотѣлось и нужно то, что вы находитесь, какъ я думаю, подъ очень обычнымъ и очень вреднымъ суевѣріемъ о томъ, что влюбленность есть нѣчто близкое къ любви и очень хорошее чувство, тогда какъ это—и дурное, и очень вредное, всегда мучительное по своимъ послѣствіямъ чувство. Можно предаваться ему, не признавая никакого религіозно-нравственнаго закона, но признаніе законности влюблениія и любви, какъ закона жизни, несовмѣстимы. Любовь—только тогда любовь, когда она самоотверженна, не ищетъ своего удовольствія. И такую любовь вы можете имѣть къ своей женѣ (а вовсе не притворство), и чувство это дастъ вамъ истинное благо; чувство же къ той особѣ, если вы отадитесь ему, навѣрное ничего, кромѣ приниженія вашего нравственного уровня и вытекающихъ изъ этого страданій, не дастъ вамъ. Желаю вамъ истиннаго блага.

Левъ Толстой.

6 ноября 1908.

8.

О — ву.

Быть нездоровъ и очень занятъ, потому до сихъ поръ не отвѣчалъ. Жизнь человѣческая есть только непрестанный усилия освобожденія отъ тѣлесныхъ вождѣній. Въ этихъ усилияхъ и благо жизни. Усилие всегда возможно, и всегда возможна побѣда духа надъ тѣломъ. Не достигаетъ побѣды только тотъ, кто не вѣрить въ это. А для того, чтобы вѣрить, надо знать, что въ усилияхъ смыслъ жизни, и испытать. Очень желаю вамъ успѣха, и увѣренъ, что вы его достигнете.

Левъ Толстой.

7 ноября 1908.

9.

Н. Н.

Добрая жизнь требуетъ нравственного усилия. И у каждого человѣка есть тѣ условія жизни, которыхъ требуютъ этого усилия. У каждого есть свои трудности. Для васъ эти трудности въ вашей—какъ вы говорите—семейной жизни. На нее-то и должно быть направлено ваше усилие—усилие въ томъ, чтобы любить, жалѣть того, кто тяжелъ вамъ—не любить васъ и не любезенъ вамъ. Вамъ заданъ этотъ урокъ, а вы хотите уйти отъ него. Отъ души совѣтую вамъ постараться видѣть все доброе, не видѣть, забывать все непріятное и въ душѣ не осуждать... И если вы искренно будете стараться дѣлать это, вы вмѣсто тоски почувствуете большую радость.

Совѣтую вамъ это и желаю.

Левъ Толстой.

7 ноября 1908.

10.

Л.

Давно уже получилъ ваше письмо и очень сожалѣю о томъ, что до сихъ поръ не успѣлъ отвѣтить на него. Положеніе ваше очень трудное, и я всей душой сочувствую

ему. Мой совѣтъ въ томъ, чтобы, продолжая съ добротой относиться къ мужу, высказать ему всю естественно испытываемую вами тяжесть вашего положенія и, главное, прекратить съ нимъ супружескія сношенія. Если бы у васъ не было дѣтей, то вамъ не только можно, но и слѣдовало бы оставить мужа. При теперешнихъ же условіяхъ вы связаны съ нимъ, и эта ваша страдальческая жизнь, если только вы будете нести ее съ кротостью и въ цѣломудріи, должна будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, заставить опомниться и сго и вашу сестру. Желаю вамъ силы душевной для перенесенія вашего испытанія и увѣренъ, что какъ ни тяжело ваше положеніе, оно обратится въ благо и вамъ, и вашему мужу, и вашей сестрѣ, если вы будете нести его съ кротостью и любовью.

Левъ Толстой.

23 ноября 1908.

11.

Т — ъ.

Безъ малѣйшаго колебанія на вопросъ вашъ отвѣчаю: оставаться съ мужемъ. То, что вамъ даль тотъ человѣкъ, никто не можетъ отнять отъ васъ. Только вы сами, если бы ушли съ нимъ, лишили бы сами себя всего этого духовнаго, чистаго блага. Тѣ особенные условія, при которыхъ вы живете съ мужемъ, не только не могутъ побуждать васъ къ оставленію его, но, напротивъ, цѣломудріе для человѣка, живущаго духовной жизнью, есть великое благо, которымъ надо дорожить всѣми силами. Разстанетесь вы съ тѣмъ человѣкомъ—вы удержите это условіе, не разрушите духовнаго общенія съ нимъ и, главное, не нарушите любви съ любящимъ васъ и, справедливо или несправедливо, но считающимъ себя въ правѣ ожидать отъ васъ любви мужемъ. Уйдете отъ мужа—во-первыхъ, лишитесь условія чистоты, въ которомъ теперь живете съ мужемъ, во-вторыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, разочаруетесь, и третье, главное, вмѣсто той любви, которой ожидаетъ отъ васъ вашъ мужъ, причи-

ните ему тяжелое горе, которое не переставая будетъ мучить васъ.

Вотъ мой совѣтъ. Очень бы желалъ для васъ, чтобы вы послѣдовали ему.

Левъ Толстой.

24 ноября 1908 г.

Ясная Поляна,

12.

Л — ву.

Думаю, что оставленіе мужемъ жены, у которой есть отъ него ребенокъ, есть дурной поступокъ, который не можетъ не отзываться рядомъ тяжелыхъ послѣствій, и самыхъ тяжелыхъ не столько для оставленной жены, сколько для оставляющаго ее мужа. Мнѣ кажется, что вы поддали общему заблужденію о томъ, что цѣль супружества есть увеличеніе пріятностей жизни. Это далеко не такъ. Супружество всегда—уменьшеніе пріятностей жизни, потому что налагаетъ на человѣка новыя трудныя обязанности. Цѣль супружества, къ которому влечетъ людей такое сильное чувство, что человѣкъ большей частью не можетъ устоять противъ него, есть никакъ не увеличеніе пріятностей жизни, а исполненіе человѣкомъ одного изъ своихъ призваній—продолженія рода.

Вотъ мое мнѣніе. Пожалуйста не сѣтуйте на меня, если сно не отвѣчаетъ вашимъ желаніямъ и мнѣніямъ.

Левъ Толстой.

2 декабря 1908 г.

Ясная Поляна,

13.

К — у.

14 декабря 1908 г.

Ясная Поляна.

Помочь вашему другу и вамъ въ той борьбѣ съ половой похотью, въ которой онъ уже признаетъ себя безсильнымъ, а вы еще боретесь, помочь вамъ могу не я, а только

религіозное сознаніе жизни, цѣль которой не личное благо, а исполненіе назначенія человѣка въ этомъ мірѣ. Говоря о томъ, что нѣть силъ удержаться, и не взять ли также, какъ и другіе, нынче одну женщину, завтра другую, только для того, чтобы самому удовлетворить, какъ это кажется вашему другу, да и многие думаютъ, потребность своего организма, вы уже допускаете возможность, недопустимую для человѣка, признающаго высшія религіозныя требованія: что имѣете право на пользованіе тѣломъ женщины, которую уже по этому самому не можете считать равнымъ себѣ человѣческимъ существомъ—сестрою. Не признаете и того, что если нѣкоторые будутъ имѣть многихъ женщинъ, то будутъ такіе, у которыхъ ихъ не будетъ. И потому указать людямъ, не признающимъ религіозно-нравственныхъ требованій, на средства успѣшной борьбы съ похотью, я не могу, да и никто не можетъ. Средство есть одно, сознаніе духовности своей жизни и стремленіе къ ея усиленію. То, что вашъ другъ близокъ къ паденію, и вы также боитесь за себя, происходитъ только отъ того, что у васъ нѣть высшихъ религіозно-нравственныхъ требованій. Мало того: не имѣя ихъ, вы подпадаете самовнушенію о томъ, что нельзя или страшно трудно бороться съ требованіями организма—требованіями вовсе не непреодолимыми, какъ пища, сонъ и другія.

Простите меня, если я ошибся въ предположеніи о вашемъ міросозерцаніи, и если это такъ, то буду очень радъ узнать противное.

Во всякомъ случаѣ, желаю вамъ успѣха—не скажу въ половой борьбѣ, а въ общей борьбѣ духовной силы съ тѣломъ.

Левъ Толстой.

Черновое письмо Л. Н. Толстого к неизвестному по поводу дела Мельницкого.

Вводная заметка.

Печатаемое ниже черновое письмо Льва Николаевича вызвано было следующим происшествием.

3 ноября 1881 года казначей Московского Воспитательного Дома Ф. И. Мельницкий получил из Московской конторы Государственного Банка 339.000 рублей на содержание Воспитательного Дома. Уложив из них 337.000 р. в кожаный саквояж, Мельницкий отправился пешком в Купеческий Банк, чтобы внести эти деньги на текущий счет Воспитательного Дома. На полпути он почувствовал себя дурно и присел; когда же он через несколько минут пришел в себя, он увидел, что саквояж с деньгами бесследно исчез. Взволнованный, он явился к прокурору Судебной Палаты и, рассказав ему обо всем произшедшем, просил арестовать его. Высокое общественное положение Мельницкого в гор. Корчеве, где он до службы в Воспитательном Доме, по единогласному избранию гласных, четыре года был председателем Земской Управы; 11-летняя служба в должности казначея в Воспитательном Доме; материальная обеспеченность; почтенный возраст Мельницкого,—все это не оставляло сомнения в том, что Мельницкого действительно постигло несчастье. Тем не менее, в виду значительности похищенной суммы, была произведена тщательная проверка его заявления и исследовано поведение его за все время службы. Исследование это заставило подозревать, что Мельницкий симулировал ограбление и деньги присвоил себе. Мельницкий был арестован. Дело его разбиралось 4-8 ноября 1882 г. в Московской Судебной Палате с участием присяжных заседателей. Поверенным со стороны гражданского истца (Воспитательного Дома), т. е. в сущности, прокуро-